

УДК УДК 001.89

Е.В. Попова, А.М. Каменщикова, Г.Н. Шадрина¹

**ПОЛИТИКА ОЦЕНКИ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ:
СТРАТЕГИИ ОЦЕНЩИКОВ И ЗАЯВИТЕЛЕЙ²**

Рассматриваются подходы к оценке научных проектов как с точки зрения заявителей, так и с точки зрения оценщиков. Подобная постановка проблемы дает отсылку к более широкой исследовательской традиции: исследованиям внешних и внутренних агентов развития науки и научного знания.

Ключевые слова: научные проекты, оценщики, заявители.

Для инновационного сектора очень сложно выработать однозначные критерии оценки появляющихся технологий. Именно потому, что они принципиально новые как с точки зрения развития науки и техники, так и с точки зрения рынка, очень сложно совместить, с одной стороны, требования развития знания, с другой – агентов рынка. В подобной ситуации неопределенности на первый план выходят политические и коммуникативные способности заявителей новой технологии, их возможности выстроить сеть защиты³ вокруг собственного изобретения. Именно практики построения подобной сети и попытки ее разоблачения оценщиками и экспертами фондов, принимающими решения о качестве проекта, являются предметом данной работы.

Здесь рассматриваются, прежде всего, дискурсивные практики обоснования новой технологии со стороны заявителей, так же как и их способы привлечения значимых агентов для защиты и обоснования преимуществ своего научно-технического изобретения, а также наработанные оценщиками формы и методы минимизации влияния подобных практик на принятие решений.

Подобная постановка проблемы дает отсылку к более широкой исследовательской традиции: исследованиям внешних и внутренних агентов развития науки и научного знания. Если посмотреть на решаемую нами проблему с данной позиции, то в литературе можно обнаружить три подхода к их отношениям:

---

¹ Работа НОЦ «Социально-политические исследования технологий поддержана программой HESR Фонда «Открытое общество».

² Статья написана при поддержке ФЦП «Кадры», Программа 1.5, Соглашение №14.В37.21.0269 от 10.09.12 «Политика оценки новых технологий: стратегии экспертов и заявителей»

³ Сеть у Б. Латура – это здесь-и-сейчас появляющаяся конфигурация людей и вещей, которая в нашем случае служит защитой для научного объекта или появляющейся техники [1].

Первый подход – самый традиционный, имеющий корни в философских исследованиях науки со времен классического позитивизма, понимающий науку как способ поиска истины по возможности ценностно нейтральным ученым. Позитивистская парадигма в значительной степени рассматривает науку как познавательную (когнитивную) деятельность или как поиски истины о природе путем применения некоторого набора научных методов, позволяющих «узнать больше» о мире относительно более ранних теорий и открытий (например, то, что известно как Попперианский фаллибилизм). Или, как показывает Мертонианская социология науки, познание науки как института строится на убеждении, что ученые следуют определенному набору правил и норм. Есть множество современных исследователей, придерживающихся данной позиции, в основном в рамках философских текстов [2]. Применительно к роли финансирующих субъектов основной тезис здесь в том, что внешние агенты не способны изменить современную науку радикальным образом. Постулирование инвариантности способов получения знания, в конечном счете, приводит к заверению в том, что «социальная эпистемология» гарантирует исчерпывающее описание научного исследования. По выражению сторонников этой точки зрения, эпистемически запятанные мотивы (которые в таком случае вступают в конфликт с «социальными влияниями») не угрожают целям науки¹.

Второй подход формулирует прямо противоположный посыл к роли ненаучных субъектов: абсолютное непосредственное влияние на науку экономических агентов, прямая зависимость познания от них. Речь идет о «невидимых промышленниках» (*The Invisible Industrialist*) [4] – тех, кто осуществляет и осуществляет связь науки с экономикой. В рамках данного подхода изучаются изменения в способах, которыми наука зарабатывает деньги и встраивается в структуру экономики. Такая позиция выражена, например, Стивеном Шейпином, исследователем взаимодействия ученых с внешними науке структурами: «На протяжении столетий университеты любого пошиба “обслуживали общество” самыми разными способами, и, тогда как возможности рынка проявили себя сравнительно недавно, они не скомпрометировали академическую свободу, так что она качественно отлична от тех религиозных и политических обязательств, которые университеты прошлого связывали с могуществом их общества» [5. Р. 19]. Этот подход является частью конструктивистского (интерпретативистского) взгляда на науку, который сначала развивался в рамках исследований научных лабораторий [6, 7, 8]. Эти исследования породили междисциплинарное поле исследований науки и техники (STS²), которое демонстрирует зависящий от обстоятельств, локальный, культурно предопределенный характер науки, вовлекающий сложные социотехнические порядки, включающие и не-человеческих акторов. Эти исследования также служат основой для описания научной деятельности как культурных практик [10, 11], что открывает обсуждения об изменяющемся и подвластном изменению статусе науки в обществе [12, 13], основанном на идее «общественного контракта».

---

¹ Наиболее известным защитником такой позиции в философии является Филипп Китчер [3].

² Для общего обзора состояния STS на сегодняшний день, см. последнее издание хрестоматии Hackett et al., 2008 [9].

Третий подход, также разрабатываемый в рамках конструктивистского подхода к исследованиям науки в исполнении Парижской школы Бруно Латура и Мишеля Каллона [14], редуцирует экономику только лишь к случаю лаборатории. Они акцентируют смешение границ науки и экономики и постулируют «стирание всяких онтологических отличий между научной и экономической активностью, нараспев повторяя о том, что «мы никогда не были современными» [15. Р. 639].

Кажется, что формы коммерциализации науки действительно навсегда определили как практику исследования, так и контуры того, с чем мы сталкиваемся в конце процесса [16]. Современная наука оказывается качественно иным феноменом в силу того, что она претерпела сильные изменения в отношении ее организации и финансирования со стороны корпораций, университетов и правительства. Несмотря на противоположные оценки того, повлияет ли на развитие научного знания коммерциализация и становление научных структур частью экономического мира, связь науки и экономики, взаимопроникновение этих двух сфер – то, что не подлежит сомнению. Различия только в описании того, к каким результатам для науки и экономики приводит данная связка: наука становится частью экономической системы и обслуживает общество либо экономическая система сама по себе становится наукой и развивается уже по иным правилам.

В результате исследований STS выяснилось, что не только социальные, но и естественные науки находятся под контролем ненаучных акторов, «истинное» перестало соответствовать «реальному», универсальность науки стала означать порядок действий в определенных рамках, общественные интересы оказались включены в науку, а материальные практики – дозволить над способами познания и методами [17]. Таким образом, границы теоретически закрытого института науки были нарушены, наука стала открытой, доступной для общества. Это наша теоретическая рамка, с которой мы решили рассмотреть, какие факторы, внешние научному сообществу, оказываются значимыми при принятии решения о финансировании того или иного научного проекта. Мы рассмотрели локальные практики работы с фондами, в частности написание заявок, и выявили набор «ненаучных» для традиционного взгляда на науку способов обоснования значимости исследований.

Стратегический характер работы с заявками

Каждый руководитель исследовательского коллектива для поддержания работы команды вынужден понимать и соответствовать требованиям научной политики, которая характеризуется такими значимыми аспектами, как *эффективность, полезность и результативность*. Наука в современном обществе стремится выйти за границы сугубо своих интересов и подчиняется интересам экономики и общества, трансформировав знание в эффективные виды экономической деятельности. Знания оцениваются не с точки зрения универсальности, а относительно их конкурентоспособности в контексте мировых достижений» [18]. Для политики в сфере науки приоритетными являются видимые, материализованные, измеряемые виды деятельности и результаты

(статьи, цитируемость, научная активность), за пределами рассмотрения оказываются процессы, которые невозможно измерить извне [19], в том числе ненаучные с точки зрения традиционных представлений стратегии по максимизации ценности своего научного проекта для оценщиков от фондов. Именно их описание – цель данного исследования.

Стоит отметить, что мы не пишем учебное пособие по правилам написания, структурирования и оформления заявок, о чем написано немало. Поэтому мы не упоминаем здесь, как ставить проблему, формулировать цели, задачи, календарные планы и т.п. всем известные части оформляемых документов для фондов. Мы намерены понять, что, при прочих относительно равных условиях – формальных частях текстов заявок, – заставляет эксперта отдать предпочтение тому или иному проекту. Как этот процесс представляют (если представляют) заявители. Здесь нужно отметить, что далеко не все заявители рационализируют процесс работы над заявкой, но руководители наиболее успешных коллективов очень рационально подходят к работе с фондами.

«То есть мы их изучаем методом шаров. Если мы этого не будем делать, мы не будем иметь, то есть если ты не выиграл и ты не пишешь, значит, ты никто». (Заявитель_ИМЯ8)

«То есть это была четкая бумага, по которой были написаны какие-то этапы и правила игры, и то есть, вот если ты правильно прочитал эти правила игры, и вот «точка в точку» там, почти дословно их представил, то, соответственно, ты — это молодец, ты на коне». (Заявитель_ИМЯ9)

Многие говорят, что, прежде чем подавать заявку, просчитывают вероятность успеха, наиболее сильные и слабые свои стороны. Некоторые заявители стараются изучать информацию, доступную на сайтах фондов о выигравших проектах, чтобы получать информацию о шансах своего проекта и команды.

«У нас есть зав. отделом ИМЯ, статистику ведет. [...] У нас обычно нормально, проходят планерки, совещания. По его словам, последние проекты за 12-й, 13-й годы там практически, сейчас точно не помню, но практически 80% – это все москвичи. Он это отслеживает, он тематику отслеживает, кто выиграл, то есть он какой-то анализ ведет». (Заявитель_ИМЯ10)

«Смотрим направленность тех же самых ФЦП проектов. Если ФЦП проекты в последнее время направлены, во главу угла берут не только актуальность и возможность коммерциализации, но и выхлоп в статьях и защитах, то, естественно, мы можем обеспечить выхлоп и по статьям, по защитах, поэтому пишем». (Заявитель_ИМЯ14)

«Мы читаем документы РФФИ, вот общую такую человеческого значения, знаем программу, но ФЦП там четко приписывается: он соответствует тому, сему и третьему. [...] Что хотят, например, (нрзб) – это очень позитивная такая вещь, тематики такие, которые государство желает от нас иметь. И мы под эти тематики вписываемся. Также самое тематики международных грантов, там они достаточно не то, что узкоспециализированы, но достаточно четко сформулировано, вот, что ты хочешь, что там надо нам». (Заявитель_ИМЯ8)

Желание просчитать результаты заявочного процесса, вкуче с отсутствием институциональных стимулов для получения командами международных

денег приводит к отсутствию мобильности в поисках финансирования: практически все наши заявители работают с РФФИ, РГНФ и министерскими программами – ФЦП и не рассматривают для себя возможности подавать заявки в зарубежные и немногие частные российские фонды. Исключение – физики-ядерщики, которые из-за устаревшего оборудования здесь вынуждены искать международные проекты, чтобы делать исследования за рубежом.

«Что касается нашей специфики, то какая там ситуация, у них установки современного уровня, 21-го века, поэтому мы там кое-какие небольшие идеи выдвигаем, как можно использовать эти установки с более высоким КПД, небольшую модернизацию небольших съемных деталей, съемная аппаратура небольших габаритов делается, потом везем все туда, там работаем, получаем совместные результаты, публикуем совместно. Вот схема, потому что то, что осталось в России, можете представить, каков уровень». (Заявитель_ИМЯ14)

В оценочных документах, так же как и в личных критериях оценки опрошенных экспертов, отсутствуют институциональные способы наказания за наличие или отсутствие иностранных контрактов, то это вполне рациональная стратегия – не обращать внимания на возможности международного финансирования, которые предлагают больше денег, но и несравнимо большие риски.

«Где нас ещё не было – это вот [фарм] «2020» [...], и туда бы тоже хотели «влезть», но ещё не знаем, каким боком, потому что очень серьёзные проекты, компетенции не хватает. Именно в плане незнания, в плане вот этого Международного менеджмента. То есть туда нужно заявку хорошо писать, в первую очередь язык хорошо знать» (Заявитель_ИМЯ5)

«... там [зарубежные фонды] настолько нас пугает. [...] Я даже читать, я прошел курсы у нас в университете, с ИМЯ, настолько сложно, а поскольку вероятность получения очень мала – люди не берутся, и мы не будем никогда браться, до тех пор пока вся бумага, весь проект не будет, как в Сколково, 3–5 страниц проекта плюс приложения страниц 20. Кто ты такой, где женился, где крестился, что опубликовал – все. Нужно упрощать эту процедуру, это невозможно изучать эти талмуды». (Заявитель_ИМЯ8)

Итак, большинство исследователей работают только с российскими фондами, при этом некоторые выбирают стратегию работы только с одним фондом, с которым у них уже сложились отношения, правила игры которого они знают более чем отлично. Но для долго существующих коллективов более рациональной кажется стратегия диверсификации финансовых источников.

«Что касается фондов [РГНФ, РФФИ], что касается тех конкурсов, которые объявляет Минобр, ну здесь, конкретно, нет выбора. Либо ты в этом участвуешь, либо у тебя нет ничего другого». (Заявитель_ИМЯ9)

Правила российских фондов коллективы уже изучили, способы максимизации количественных показателей для них они также давно отработали.

«Как правило, я уже знаю традиции РФФИ, если у меня кончается персональный грант, следующий грант я не получу, год у меня отдых, но все равно подаю, я знаю, что я не получу. Все равно подаю, чтобы держать в напряженности грантовое агентство, это моя игра. А на следующий год они, как правило, дают. (Заявитель_ИМЯ8)

«[...] в РФФИ – там более объективные [оценки], как мне кажется, на результаты, заявку – отчасти, да, наверное, кто подает. Другие – кто подает, чем что. Фонды какие-то, РАНовские проекты, там больше важно, кто подает, а не что подает» (Заявитель_ИМЯ3)

Есть в наших текстах интервью и примеры, в которых наиболее успешные институциональные образования (это уже часто даже не уровень исследовательского коллектива, а отдельной институции внутри университета) формируют «машины» по выигрышу максимального числа проектов из российских фондов.

«(Е.П.: коллектив N университета) очень продуктивно участвует в проектах, насколько я знаю. Они участвуют в проектах, [...] их результативность, насколько я слышал, она просто колоссальна, вплоть до того, что они периодически по 10 отчетов за месяц готовят. [...] Насколько я понимаю, они все это поставили на такой поток, гораздо раньше, чем это в университете начало развиваться. И они получают от этого очень много...» (Заявитель_ИМЯ4)

«Я считаю, что сегодня нужно уметь писать проекты – именно уметь писать [...]. Я знаю, в вузе-1 есть такая система – группа, которая вот именно этим занимается. Это 2–3 человека, и они помогают, и они знают, как оформлять заявку. Потому что в каждом же фонде есть своя специфика, понимаете. Это, действительно, задача научного менеджмента, то есть должны быть созданы группы, которые не должны заниматься «наукой в пробирках» – они как раз должны понимать, как правильно оформить бумаги. (Заявитель_ИМЯ5)

Наиболее успешные научные образования формируют структуру, которая способна собрать в максимально короткое время максимальное количество наиболее результативных персон, когда пристраиваются стратегии максимизации показателей в отношении публикаций, полученных грантов, показателей студентов, аспирантов, молодежи, которых включают во все проекты, чтобы через них также максимизировать показатели, а также поддержать их как тех, кто в будущем будет приносить грантовые дивиденды данному научному образованию. Они в одном месте собирают все данные на всех потенциальных участников проектов, чтобы без их участия собирать команду, показывающую максимальные показатели: руководителя, молодые кандидаты, аспиранты, докторанты и т.д.

«Мы, скажем, в предпоследний раз подавали заявку, я включал туда ряд людей, из тех, с кем договоренность [была] не напрямую, косвенная, о том, что их включают, а они остаются чисто формальными, для показателей. Как и меня включали в ряд проектов – поскольку у меня есть определенный опыт, я работаю еще и в вузе-2, участвовал активно в хоз. договорных работах. Соответственно, у меня в качестве подтверждения была целая стопка проектов, в которых я являлся исполнителем. И поэтому такой момент, что есть люди, которые со своими показателями могут участвовать. Да, такое есть». (Заявитель_ИМЯ4)

«Вопрос: А обычно, в командах, можно сказать (в процентном соотношении) количество людей, которые скорее всего не будут работать, но они нужны для статуса и вот этих вот показателей и количество реально работающих?»

Ответ: [...] в последнем проекте у нас тоже были люди, которые чисто формально, и, наверное, их было все-таки не меньше половины. Я как-то забыл про этот список – да, действительно, они были, но некоторые даже не были в курсе, что они участвуют в заявке, мы их вписывали, кого-то я оповещал, что мы твою фамилию будем использовать для показателей». (Заявитель_ИМЯ4)

Часто команду приходится укреплять «свадебным генералом», который обеспечит максимальные дивиденды на этапе отбора, хотя и реально работать не будет.

«Вот сейчас последний лот, который мы выиграли, у нас был руководителем наш бывший зав. кафедры, но он был, что называется «свадебным генералом». Ничего, кроме подписи и редких ценных указаний, и то таких ненавязчивых, он не делал. На самом деле, его услуги в «подписывании» документов мы частично компенсировали, однако это было, скажем так, достаточно просто – последние разы мы как-то [так] делали, что есть кто-то из формальных руководителей – это обычно добавляет очков к проекту, поэтому, это естественная процедура, все к этому привыкли, рассматривают это вполне нормально». (Заявитель_ИМЯ8)

Из-за сложностей в оформлении бумаг возникает идея «научного менеджмента» – структуры, которой можно передоверить оформление всей формальной части заявки и отчетов, оставив за научными коллективами лишь содержательное оформление. Для некоторых респондентов – это недостижимый идеал, некоторые успешные научные объединения уже наняли подобных специалистов.

«Наверное, есть необходимость в специалистах, кто бы мог сопровождение проектов делать, по крайней мере, это повысило бы результативность явно. Если знать все эти тонкости, нюансы, то эффект будет больше». (Заявитель_ИМЯ4)

«Это, вообще, действительно, задача научного менеджмента. То есть должны быть группы созданы и люди сидеть, которые не должны заниматься «наукой в пробирках», они как раз должны понимать, как правильно оформить бумаги». (Заявитель_ИМЯ5)

Основные параметры оценки: публикации, репутация, связи

Основные параметры оценки следуют логике современной государственной политики: оценивают, прежде всего, количественно исчисляемые параметры, а также параметр, значимый для института экспертизы, – репутацию. Общим для научной политики разных стран практически повсеместно является признание значимости элитных лабораторий, мощных сетей, внедренное знание, т.е. знание, получившее материальное воплощение, испытанное реальностью, – именно так характеризуется знание, которое классифицируется как глобальное, универсальное и знание «высшего качества» [18]. Подобный дискурс в оценках экспертов показан в следующей цитате:

«Вопрос: А что ещё кажется важным [при оценивании заявки]?»

*Ответ: Уровень публикаций. То есть всё, что связано с публикационной активностью. Понятно, что сейчас меньше внимания **обращают** на моно-*

графии, больше на рецензированные статьи: количество, в каких журналах. Международные. Вот это всё отражается». (Эксперт_ИМЯ2)

Очень немногие информанты говорят о содержательной стороне оцениваемой заявки, в том числе и эксперты. Многие говорят о широком поле экспертизы для одного эксперта, поэтому содержательная часть проекта зачастую не может быть адекватно оценена, и на первый план выходят литературные, педагогические (объяснительные) способности создателя заявки. Они должны максимально простым языком донести научную идею. Многие заявители очень подробно объясняли, что язык заявок отличается от языка научных публикаций именно по причине широкого поля экспертизы для эксперта.

«Я действительно не такой глубокий специалист, не прямой специалист. Все проекты, которые у меня были, где я не являюсь прямым специалистом, тем не менее на стыке – я понимаю в чем суть, тем не менее начинаю лезть туда [в литературу]...» (Эксперт_ИМЯ7)

О значимости публикаций для успеха заявки говорят все без исключения информанты: и заявители, и эксперты. Это неудивительно. Во всем мире именно уровень и количество публикаций являются основным параметром, характеризующим карьеру и успехи ученого [18, 19, 20].

«Оценить проекты очень легко. Первым делом я начинаю оценивать, какие публикации за этим стоят, это очень важно – уровень публикаций. [...] Для меня важен уровень статей, это, пожалуй, самое важное в оценке коллектива». (эксперт_ИМЯ7)

«Вы показываете, что такие у нас статьи есть и такие у нас есть публикации. И что мы не новички в науке, и что мы понимаем научную проблему, и что мы её будем решать». (Заявитель_ИМЯ5)

«Ну, и даже это негласная информация о том, что любая заявка, которая там дается под фамилию, эксперты начинают с того, что они проверяют, а что это за человек, как он известен в научном мире: его цитирование, его публикации и так далее». (Заявитель_ИМЯ9)

Есть критические исследования подобного состояния дел, согласно которым подобная индивидуализация и кодификация научной работы и оценка ее результатов дают возможность внедрить принципы государственного управления в научное сообщество [22, 23].

Более того, многие информанты показали, что, чтобы получить проект по определенной теме, уже нужно иметь опубликованные тексты именно по этой теме, а также пару публикаций, отправленных в печать, с тем чтобы по получении гранта просить издательство добавить строки о финансовой поддержке со стороны грантодателя при работе над данной статьей.

«Фактически для того, чтобы в нашей области выиграть проект, надо иметь 1–2 публикации в этом направлении». (Заявитель_ИМЯ8).

«Мы делаем каким образом ещё: вот если тематика идёт, пишутся статьи, они висят в журнале 2–3 года, если мы подаём эту заявку, вот в этом году там всё. Можно всегда позвонить в редакцию, попросить сделать ссылку по статье. [...] То есть вот мы работали, написали статью, потом мы как бы подаём заявку. И мы вот сейчас, допустим, подаём РФФИ заявку, у нас уже есть задел и есть 2 статьи, висящие в журнале. И как

только мы получаем подтверждение, мы тут же звоним и просим там вставить. И всё. И по-другому никак». (Заявитель_ИМЯ5)

Вторым по значимости параметром после публикационной активности называлась репутация коллектива, которую создают статус руководителя научного коллектива и репутация и опыт данного университета в работе с данным фондом. Основным концептом здесь становится «научная школа»:

«Есть ли там известные школы – это одно. Если там школ нет, это совсем другое. Научная школа – это основа, база всех научных исследований. Если есть научная школа, тогда есть и серьезная продукция. Научная школа строится десятилетиями». (Эксперт_ИМЯ7)

«Я как ученый, доктор наук, буду в науке существовать до тех пор, пока у меня есть школа моя. Для того, чтобы мне эту школу иметь, я должна иметь приоритетное какое-то научное направление. Это самое важное». (Заявители_ИМЯ6)

«Научная школа – это основа, база всех научных исследований. Если есть научная школа, тогда есть и серьезная продукция. Научная школа строится десятилетиями». (Эксперт_ИМЯ2)

Еще одним важнейшим фактором успешности заявки становятся наработанные связи на конференциях, в переписке. Это важный параметр, который не замечен в тексте заявки невооруженным глазом, но который проговаривался практически всеми респондентами.

«Если выезжаешь на наши внутригосударственные конференции, и вас видят, они же все сидят в экспертных советах. Они видят, кто, как работают по уровню доклада, и однозначно выигрывает человеку обеспечивается». (Заявители_ИМЯ_8)

«[надо] внимание туда акцентировать, то есть созваниваться с людьми, входить через какие-то альтернативные каналы, заявлять о себе постоянно. Потому что одна заявка просто на конкурсе, она ничего не решает... А если ты вот на слуху где-то у них, они помнят». (Заявители_ИМЯ12)

«То есть если так выйдет, то, что эксперт будет читать твою заявку, кажется, он как то косвенно тебя знает, то он уже с другим отношением будет читать, будет вспоминать: «Ой, я этого человека знаю»». (Заявители_ИМЯ11)

Подтверждаются эти позиции и в интервью экспертов:

«Если в той же ситуации «на грани» заявка приходит, от кого-то незнакомого, которого ты никогда ни на конференциях не видел, ни публикаций серьезных его не видел, то, конечно, [это] вызывает настороженность, но за этим следует то, что [...] начинаешь смотреть, [...] кто про это знает». (Эксперт_ИМЯ3)

Еще одним доказательством важности личных связей может служить пример с написанием технического задания для ФЦП одной из информанток, когда она, исходя из собственного идеала науки, прописывает задание, в которое могут пройти только 2–3 научных коллектива, которые она считает профессиональными, и чтобы не дать возможность «штрейкбрехерам».

Как ни странно, опыт предыдущей работы по грантам в качестве критерия оценки не указал ни один информант. Хотя, возможно косвенным, признаком наличия предыдущего опыта, а также материальным воплощением

репутации можно назвать перечисляемое, доступное данному коллективу оборудование. С одной стороны, это показывает наличие материальной базы необходимого, чтобы выполнить проект, с другой – доказывает, что руководитель коллектива нацелен на долгосрочную работу и не направит все деньги на зарплату, а готов вкладываться в будущие исследования.

«Серьезное научное исследование на современном этапе, которое обязательно ведется с применением нанотехнологий, – это проникновение в «наномир», никуда не денешься от этого, и это возможно только в серьезных научных центрах с серьезным оборудованием. В России таких центров можно по пальцам пересчитать». (Эксперт_ИМЯ7)

«Прикладные задачи гораздо сложнее, потому что там реальность должна быть: вот когда они проверяют, они должны приехать, увидеть это «малое производство», увидеть эту вот она стоит установка, она горячая и она действительно. Вот стоит так и это производство.» (Заявитель_ИМЯ5)

«...скажем, у нас [...] – прибор, который стоит 6 млн, конечно, он не на один проект, опять же цена контракта тоже порядка нескольких млн, обычно полтора, у нас были на 2, 3 млн, 6 млн последний. То есть, эти цифры значительно меньше, чем оборудование стоит. То есть, мы, конечно, пользуемся, что у нас есть, это большая заслуга нашего начальника ИМЯ, то, что в свое время он смог сделать технологический центр, если бы у нас его не было...» (Заявитель_ИМЯ10).

Внимание: конкуренты

Интересна тема конкуренции в этом довольно узком профессиональном сообществе. С одной стороны, конкуренты – те, кто претендуют на те же деньги, что и ты, с другой, они – потенциальные партнеры по коалиции для крупного проекта, рекомендатели для защит аспирантов и докторантов, те, кто будут делать экспертизы твоих заявок и отчетов, писать технические задания.

Таким образом, политика фондов и узкое научное сообщество часто сталкивают конкурентов. И единой стратегии поведения здесь нет.

Кто-то решает «топить» отчеты и любые начинания конкурентов:

*«У нас сейчас встает проблема экспертиз – кто будет экспертировать заявки? Ну, заявки это одно дело – кто будет экспертировать научный отчет? Сталкивалась с таким обстоятельством: люди, которые подавали параллельно со мной заявку на грант и не прошли по каким-либо причинам эти люди (ученый, его коллектив) являются экспертом научно-технического отчета. С точки зрения обыкновенного человека – как вы будете экспертировать эту работу, наверное, возникнет в голове – “да я мог бы лучше”. Если я (или не я, эксперт) на стадии отчета поддержит эту работу, то, соответственно, у меня это плюс еще один грант, у него этого плюса не будет – что он будет делать в этой ситуации? Вот вам, пожалуйста, **система экспертизы, вопрос этики**. Его невозможно убрать, этот вопрос».* (Заявитель_ИМЯ6)

«По требованиям тех. задания. То есть его изменить никак нельзя, мы под него подписались, мы изучили литературу. Поняли, что это тупиковый

вариант. Видимо, это было специально составлено, чтобы отсеять ненужных на этапе конкурса, кому-то там перешили дорогу в этом плане, потому что это опять же к вопросу формирования, с другой стороны, но тематика формируется опять же – вот и другой конец этой палки. Ты подаешь заявку на формирование тематики, ты, конечно, пишешь для себя. Негласное требование таково, что ты должен вставить в эту заявку то, что отсеет тех, кто не нужен, в итоге получается такой крокодил». (Заявитель_ИМЯ10)

Кто-то, напротив, исходит из идеалов развития науки или стратегически, а так как научных коллективов по сходной теме «раз, два и обчелся», стараются поддерживать профессиональные связи:

«В конце прошлого года я писала лот для мероприятия [ФЦП], то есть я формировала лот с техническим заданием. Этот лот прошел, и я, когда его писала, естественно, я предполагала те коллективы, которые будут подавать эту заявку, ну и так, чтобы не было «штрейкбрехеров», которые, не имея научного задела, «войдут» и знаете как сделают [...]. Этот лот был прописан таким образом, чтобы люди, которые давно работают в этом направлении, легко вошли». (Заявители_ИМЯ6)

«кухня такая, что те команды, которые занимаются наукой в России [по данной теме], раз-два и обчелся». (Заявитель_ИМЯ14)

Но на прямой вопрос о доверии экспертам, за исключением одного заявителя, все информанты отвечали, что доверяют экспертной оценке, ее делают «ученые», на чью «порядочность полагаются».

«Ученые всегда были [экспертами], проблема в том, как вы будете излагать для ученого – опять же для того эксперта, насколько ваш отчет будет понятен человеку, который не абсолютно погружен в вашу тематику? Попробуйте убедить его в том, что ваши работы заслуживают внимания. Я полагаюсь, конечно, на порядочность и честность экспертов, хотя это не всегда получается». (Заявитель_ИМЯ6)

Эта отсылка к порядочности ставит множество этических вопросов в институте экспертизы как системе, на которые указывали многие заявители и эксперты. В интервью с экспертами были примеры из их практики, когда они получали на экспертизу собственные заявки или заявки от коллег со своего факультета или лаборатории. Правила фондов запрещают подобные оценки, но в одном случае эксперт говорит, что он в соответствии с правилами отказался от экспертизы данной заявки, во втором – поставил максимальные оценки своему проекту.

«Вопрос: Если есть опыт обсуждения грантовой деятельности с зарубежными коллегами, какие различия существуют?»

Ответ: [...] Различия в системе экспертиз на первом месте [...]. По крайней мере, общаясь с немецкими коллегами, я вижу, что у них система экспертиз более развита: если два эксперта дают крайне отрицательную, затем положительную оценку, все-таки отдается еще четвертому. Это хорошая, вообще, вещь, у нас этого пока в настоящее время нет.» (Заявитель_ИМЯ9)

Неизменные мобильности [6] в структуре научных заявок

Неизменные мобильности – термин, характеризующий научное знание, предложенный одними из первых микроисследователей лабораторий Б. Латуром и С. Вулгаром. Незменные мобильности – объекты, в том числе и научное знание, которые имеют свойство перемещения, при этом сохраняя все свои качества, неизменность данного объекта, его презентуемость, читаемость и возможность быть соединенным с иным объектом, оставаясь неизменным. Применительно к науке это означает, что знание, которое выходит из лаборатории при переносе в другие географические или организационные пространства, остается неизменным, связанным с определенным набором материальных и нематериальных объектов, которые это знание выражают. «Как критерии оценки отражают идею неизменной мобильности? На первый взгляд, именно мобильные и правильно оформленные результаты оцениваются высоко: предпочтение публикаций на одном из мировых языков в цитируемых журналах, наличие международных патентов и т.д.» [23].

Локальное, глобальное в заявительном процессе

Для современного научного дискурса характерна постоянная деконструкция эпистемических границ [24]. Научное поле наполнено классификационными схемами, которые определяют явления. Одной из значимых для экспертов и заявителей схемой оказывается деление на мировой и локальный контекст. И, кажется, это основополагающее для оценки различие не дает возможности соединить в заявке обе грани. В поведении экспертов очень явно выражена стратегия, когда он либо закрывается от всех, оценивает исходя из каких-то собственных критериев, либо, напротив, вписывает себя в мировую сеть, закрываясь от российской.

«Если внимательно смотреть на позиции, которые задают, структурируют заявку – там же основное – «соответствие мировому уровню». Какие Вы ожидаете получить оригинальные результаты, в какой степени они отвечают мировому уровню. (Эксперт_ИМЯ2)

«Когда мы выходим на мировой рынок, все-таки мы должны понимать, что мы должны конкурировать именно там, не среди своих». (Эксперт_ИМЯ7)

Возникает дилемма, особенно для гуманитарных и социальных наук, связанная с тем, что, с одной стороны, государственная политика, а за ней и политика фондов, и требования экспертов требуют соответствия проекта мировому уровню, вписанности в международную науку, а с другой – должны исследоваться актуальные и специфические для России проблемы, и предлагаться методы решения. Есть и международные тренды движения науки от глобального к локальному: для социальных наук исследование и формулирование именно локального в противовес глобальному – дискурс, который получает все большую поддержку. Например, исследования Арктики и малых народностей, локальных сообществ, что требует формулировки проблем в терминах локуса, а не всеобщего [25]. Есть и размышления экспертов об этой дихотомии, которая не может быть решена в рамках нынешней полити-

ки фондов, и эксперт сам должен принимать решение, какая из сторон сейчас кажется более значимой:

«С моей точки зрения, важнее, наверно, то, что в отечественной [науке]. Потому что я сторонник той позиции, что должна быть на самом деле Национальная наука, а не Мировая. У нас разный язык, у нас разный менталитет, по-разному устроен мозг, и мировые рейтинги – это ни о чём [...] Переложить это на простой английский язык, очень сложно [...] Потому что, с одной стороны, есть высказывания того, что если мы в мировую науку «ввязались», то должны соответствовать этому уровню, соблюдать стандарты, а с другой, как психофизиолог, я понимаю, что у нас разный мозг. У нас разная ментальность, у нас разный язык. Всё это унифицировать, это в ущерб, на самом деле науке. Наука должна быть разной». (Эксперт_ИМЯ2)

Заявители практически все повторяют дискурс включения в мировую науку, но включения только в терминах публикаций и цитирования. Вопросы постановки проблемы, актуальности, знания мировых исследований по своей узкой проблематике заявителями не ставится. Противоречие «мировая – локальная» осмысляется только экспертами и теми из заявителей, кто имеет опыт международных проектов:

«С моей точки зрения, надо требовать в заявках именно большую часть места уделять именно бекграунду, так сказать, актуальности, «вписанности» в мировое сообщество и т.д. а не детального плана работы, что делаете в первом полугодии 14 года, что делаете во втором полугодии 15 года и т.д.». (Заявитель_ИМЯ14)

Междисциплинарность как один из параметров неизменной мобильности

Еще одна возможность существования мобильности неизменного знания – продвижение не только географическое, в мировые журналы, но и междисциплинарное.

Междисциплинарные коллективы в российских научных структурах, наполненных институциональными границами кафедр, факультетов, лабораторий, появляются весьма неохотно. Однако российская государственная политика, так же как и мировые политические предпочтения, формирующие научную моду на нано-, биоисследования, становятся фактором для мобильности. Документами, которые формируют это движение, служат государственные технические задания по федеральным целевым программам, так же как и перечень приоритетных научных направлений, принятый структурами для определения наиболее перспективных для финансирования научных направлений.

«Сейчас я могу сказать, что за последние 5–10 лет финансирование физических исследований резко сокращается не только в России, но и за рубежом, а, например, финансирование исследований в медицине возвращается к экспоненте, поэтому мы вынуждены соваться в такие вот вещи, где можно

использовать физические методы в медицине, например». (Заявитель_ИМЯ14)

Подобные списки, с одной стороны, порождают ситуацию, когда исследователи вынуждены обращаться к новым для себя исследовательским полям, с другой – рождаются симуляции подобных проектов. Один из информантов называет такие свои проекты «крокодилами», иначе – заявками, в которых среди множества слов и применений в терминах составленного списка приоритетных направлений заявитель пытается спрятать свой реальный проект, не имеющий ничего общего с данным списком.

«Ответ: Да, есть такой момент, но для научных прорывов есть другие механизмы

Вопрос: Например?

Ответ: Во-первых, это разработка под прикрытием другого проекта, я думаю, что для вас не будет секретом, что проект выигрывается под одно, а реально основная часть работы производится под другое. То есть, в принципе, такое очень распространено, насколько я слышал, и не вижу здесь ничего плохого, собственно. Если не получается, или нет под непосредственную тематику – давайте возьмем под близкую и часть серии просто распределим». (Заявитель_ИМЯ4)

Одним из индикаторов подобной профанации для оценщиков становится отсутствие в научном коллективе соответствующих специалистов. В наших интервью есть пример, когда руководитель лаборатории, решившийся на объединение тем для увеличения шансов на поддержку заявки, оказался не готов расширить свои контакты и включить в коллектив новых людей из другой дисциплины. В таком случае, как показал опыт двух его заявок, шансы на победу равны нулю.

«По медицине нас периодически там не пускают. Ну, мы сейчас, видимо, будем, учтем опыт предыдущих наших подач заявок, ну, видимо, включим медиков в команду, по-другому оформим все это дело». (Заявитель_ИМЯ10)

Однако возможно и принятие фондом научно унифицированного коллектива, если в заявке удастся показать, что медицинская, ровно как и иная нетипичная для коллектива проблема, может быть решена нетипичными методами своей науки.

«Есть проблема сибирской области: люди болеют описторхозом. Вот мы лаборатория, которая делает анализы. Анализ продуктов жизнедеятельности, вот этого описторхоза. То есть там происходит реакция, выделяются продукты, мы их анализируем, мы химики. Вот просто химически анализируем присутствие, концентрации этих веществ. Есть фармакологи – они изобретают лекарства. Они говорят, вот лекарство. Мы считаем, что там действующее такое вещество химическое, которое будет оказывать влияние на рост, бактерий, паразитов и т.д. Естественно, там попутно вот слова специальные, терминология». (Заявитель_ИМЯ5)

Все же наиболее успешна эта стратегия в случае дополнения команды ее сотрудниками из других сфер, часто медицины, для формирования «проходной» заявки, тем самым расширяя сеть, включая туда специалистов из других сфер знания:

«Что касается того проекта, в котором я участвовал, по факту случилось так, что они выиграли проект, к которому не были готовы – по сути, у них не было технических специалистов в области информационных технологий, а проект был чисто по информационным технологиям, правда, в прикладной области химии. И, получилось, что придя к нам на факультет – наш коллектив тогда как раз работал при факультете – они пришли к нам». (Заявитель_ИМЯ4)

«Есть необходимость – мы тех же сотрудников из неонатологии [медицины], которые у нас на кафедре [физики] на полставки работают, включаем». (Заявитель_ФАКУЛЬТЕТ1).

«Вопрос: Для каждого проекта это получается абсолютно уникальный коллектив?»

Ответ: Нет, не всегда уникальный коллектив, потому что всё-таки есть направления исследования, и люди – те, которые работают, уже сложившийся, так скажем, коллектив, который постоянно пополняется какими-то новыми людьми. Сейчас мы работаем очень тесно с биологами и с медиками, в коллектив исследования, соответственно введены медики». (Заявитель_ИМЯ6)

Более широко эта стратегия применяется в направлениях, где в названиях используются модные ныне приставки «био», «нано», широко описанная в литературе, изучающей данное явление [26, 27].

Движение между фундаментальным и прикладным

Часто коллективам приходится одну и ту же идею или метод предлагать фонду в форме как прикладного, так и фундаментального проекта, в зависимости от требований, предъявляемых данной программой или фондом. Это один из первых навыков, которому обучаются исследователи, работающие с фондами.

«Вопрос: Вот Вы пример сейчас привели, это такая, скорее прикладная, проблема, которая действительно будет всем понятна. Насколько фундаментальные проблемы, которые вы решаете, насколько часто Вы пишете такие заявки и насколько вот эту часть можно легко объяснить?» [...]

О: Вы, знаете, давайте подумаем, смотря какая заявка. Допустим, когда мы пишем в РФФИ фонд – это чисто фундаментальная заявка, ту же самую проблему мы показываем и прописываем в виде научной проблемы. И уже пишем другие задачи, [...] «выпячиваем» именно фундаментальную сторону [...]. Нужно в этой заявке показать, что мы говорим новое слово в фундаментальной науке. Мы открываем физические основы, химические основы. Мы открываем закономерности, не зависимости, а зависимости это что у нас? Допустим, «у» зависит от «х», а закономерность, это фактически закон, который, выполняется везде, и мы, в рамках выполнения проекта, открываем фундаментальные законы». (Заявитель_ИМЯ5)

«Когда фундаментальный [проект] – должен быть значимый результат общий, когда прикладную задачу – у нас конкретно по этой задаче какие-то должны быть результаты, например улучшить свойства настолько-то и настолько-то. Или получить на выходе какой-то продукт. Пожалуйста».

А если фундаментальное, то должны понять, может научиться как-то контролировать какие-то процессы и, вообще, просто физику понять, что происходит» (Заявитель_ИМЯЗ).

Некоторые из заявителей подчеркивают важность сборки команды для прикладного и фундаментального проекта – чтобы не вызвать подозрение у эксперта:

«Наверное, все-таки больше, какие группы и кто участвует, если скажем, чисто теоретическая задача, то это одни люди работают, если прикладные, то это совместно с какими-то прикладными организациями, институтами, которые могут выдать продукт готовый, это все-таки еще и разные группы». (Заявитель_ИМЯЗ)

«Мы боимся заниматься прикладными вещами, потому что прикладные вещи требуют от нас большого знания стандартов, гос.технологий, раньше у нас был специальный отдел в институте, мы этим делом занимались, сейчас у нас это дело потеряно». (Заявитель_ИМЯ8)

Однако для победы более важным, чем междисциплинарность или правильное попадание в прикладную/фундаментальную науку, часто оказывается включение новых экономических агентов в структуру заявки. Поэтому актуально обеспечить сотрудничество науки и производства с целью внедрения знаний-результатов и создания совместных проектов.

Идея истинности, универсальность получаемого научного знания в процессе работы ученого с фондами уходит на второй план. Первым становится разделяемая всеми политиками, чиновниками в ведущих мировых державах ориентация на приоритеты глобальной конкурентоспособности, результативности в области исследований и механизмы их измерения, а также трансформация знаний в инновации.

«Вопрос: А по ощущениям сами структуры заявки, сами тематики, что у РФФИ и ФЦП, нет ощущения, что они скорее направлены именно на прикладной аспект, и они отбирают его?»

Ответ: Да, да, мне кажется, там да. Не идет вот это вот, уклон в сторону прикладной, не только должна быть прикладная, а чтобы с коммерческим последующим выходом, ФЦП исследования, разработки, где-то там даже в конкурсной документации, в отчетной опять документы...». (Заявитель_ИМЯ10)

«По приоритетным направлениям развития, там даже в техзадании написано, вот там экономические показатели, которые требуются, обязательно технико-экономическое обоснование всего вот этого вот дела». (Заявитель_ИМЯ1)

«Если ты не видишь возможности коммерциализации твоих результатов (есть такое выражение, «наука ради науки», наука ради удовлетворения собственного любопытства), если ты смотришь, что твой материал может быть использован где-то, постарайся просчитать, насколько эффективно будет его использование». (Заявитель_ИМЯ6)

Удивительно, что для некоторых экспертов от науки это также становится основным фактором оценки:

«Знаний у нас достаточно, надо эти знания коммерциализовать, нужно научиться на них зарабатывать». (эксперт_ИМЯ7)

«Пожалуй, самое важное – какова отдача этой разработки на каждый вложенный рубль [...] Если я не вижу в прикладных исследованиях перспектив создания новой технологии, такую разработку я оцениваю очень низко: самое главное в фундаментальных исследованиях – это новые знания, [...] и если твои новые знания конкурентоспособны на мировом рынке, я оцениваю это положительно. Если же прикладные исследования не ведут к созданию новых технологий, я не принимаю такие прикладные исследования». (эксперт_ИМЯ7)

Сравните последнее высказывание эксперта-ученого с цитатой, приведенной в одной из статей об утилитарном отношении государственных деятелей к науке: «Премьер-министр Чехии, обозначая приоритеты финансирования в рамках бюджета, заметил: «При финансировании фундаментальных исследований [мы должны] принимать индикатор цитируемости в качестве критерия успеха, главным образом, успеха на международном уровне. При финансировании прикладных исследований [мы должны] поддерживать те, что способны в кратчайшие сроки конвертировать результаты своей работы в инновации (передача технологий). Результаты фундаментальных исследований, которые не выходят на «мировой рынок», приравниваются к инновациям, которые уже были изобретены и внедряются кем-то другим» [23, Р.286]. Таким образом, в соответствии с идеалами государственной политики, нацеленной на экономические (ранее – военные) преимущества, рождаемые наукой и техническими новациями, этот подход превращает научную деятельность в «капиталистический способ научного труда»[28].

Прошлое и будущее как актер в заявках

Без наводящих вопросов со стороны интервьюера почти все информанты говорили о том, что они продают фондам уже частично сделанный продукт. Научные группы поставлены в такие условия – позднее получение денег (обычно деньги по контрактам получают через несколько месяцев с момента срока его подписания), сложности закупок, недостаточное время для проведения действительно полных, особенно фундаментальных, исследований – обычно горизонт планирования 1–1,5 года.

«Когда ты ужеходишь в тему, у тебя 30-40% наработано, ты уже понимаешь проблемную ситуацию. Тогда ты только начинаешь и пишешь заявку, иначе тебе будет сложнее, потому что ты не можешь просчитать все риски». (Заявитель_ИМЯ5)

«Грубо говоря, надо сделать проект процентов на 55, может быть и больше, то есть быть уверенным, что все это работает». (Заявитель_ИМЯ8)

«Вы представляете, за 660 тыс. [рублей] мы должны 1 докторскую представить и 1 кандидатскую за 3 года. Основываясь за такие деньги, это все нереально. Надо брать человека, у которого готовые диссертации есть». (Заявитель_ИМЯ8)

«Потому что по логике вещей, вы же понимаете, что, получив грант на 2 года, реальная отдача за этот период времени в наших условиях нереальна».

Это не Запад, где вы можете заказать установку и в течение трех месяцев ее получить». (Заявитель_ИМЯ14)

Краткосрочные горизонты планирования в фондах не дают возможности протраивать работу по действительно большим научным проектам. И здесь на первый план выходит фигура научного руководителя коллектива, который должен суметь разделить тот большой проект на несколько мелких, распланировать, под какую часть можно получить финансирование, и собрать команду под нужды проекта и требования фонда.

В свою очередь, и эксперты оценивают прошлое. Они оценивают и поддерживают проекты, имеющие за собой опыт публикации заявителя по данной тематике, оценивают уже имеющиеся проекты по теме. И с точки зрения минимизации рисков и угрозы позиции эксперта это очень рациональная стратегия.

«Если ты видишь, что люди занимались одним, а тут подают заявку на вот это [...]. Ты смотришь список публикаций, ты смотришь имеющийся задел, вот тут связанность и есть, потому что сразу видно, что публикации или по другим темам, человек этим никогда не занимался, и ожидать, что он развернется за год, за два, сделает что-то такое, не реально». (Эксперт_ИМЯ2)

Это очень рыночная стратегия к оценке, когда ни эксперт, ни фонды не желают становиться венчурными инвесторами, но хотят видеть какой-то продукт, который не будет новым, но будет гарантированным. Об этом говорят заявители, и здесь значимой становится фигура руководителя научного коллектива. Если руководитель ориентирован долгосрочно, то он выбирает пошаговое движение: постепенное накопление количественных индикаторов, а стратегия по развитию научного знания в данном контексте становится стратегией продажи старого продукта фонду, выделение небольшого числа денег для доработки этого старого продукта для продажи фонду, а львиная доля полученных денег молчаливо направляется в новые рискованные проекты, по которым, таким образом, делаются публикации, набирается материал, и затем уже этот устаревший продукт продается фонду.

«Всегда надо деньги вкладывать, которые есть, по возможности вкладывать в развитие, потому что без этого...ну, это будет тупик». (Заявитель_ИМЯ_10)

«Грубо говоря, надо сделать проект процентов на 55, может быть и больше, то есть, быть уверенным, что все это работает. ... Грубо говоря, получаешь деньги назад за вложенные или из другого гранта. ... А по-другому никак не сделаешь». (Заявитель_ИМЯ8)

Таким образом, имевшиеся до подаваемой заявки проекты, сложившаяся и представляемая в заявке сеть, включающая предыдущие проекты и имеющиеся связи, в том числе с иностранными университетами, могут дать дополнительные бонусы при продаже нового проекта, но только для искушенного игрока, кто рационализировал и проговорил наиболее выигрышные стратегии презентации материала. Те, кто подает наобум, не задумываясь о форме, оказываются наименее успешными игроками.

«Первый лот, в котором мы участвовали – там, по сути, у нас не было конкурентов. Один лот. Правда, по собственной глупости, у нас была ошибка с датами – месяц был неправильно указан, не месяц даже – год, то есть совершенно абсурдные были данные, но по формальным критериям, нашу заявку, единственную по этому лоту отклонили» (Заявитель_ИМЯ4)

Заключение

Исследование показало, что ситуации оценки проекта и работы над заявкой – не стратегическая игра эксперта и заявителя, не коммуникация, когда заявитель пытается донести до эксперта какую-либо идею либо выстроить индивидуальную, масштабную сеть поддержки, но игра обеих сторон по правилам, навязываемым им политическими или государственными агентами.

«Если скажут, что прикладные будут стоить в 10 раз больше работы, чем фундаментальные, и дадут определение, что такое прикладная, мы, конечно, будем заниматься прикладными вещами». (Заявитель_ИМЯ8).

«Мы максимально пытаемся найти свой научный интерес в тех конкурсах, которые министерство уже объявило. Это не значит, что мы всегда работали по этой тематике». (Заявитель_ИМЯ9).

Нам показалось любопытным, что в отличие от наблюдаемых исследователями дискурсов био- и нанонауки в западном обществе, связанных с метафорой «прорыва», способной убедить публику в успешности этой технологии, и анализа нарративов через понятия «прогнозы», «сценарии развития», «выгода», «заинтересованные группы», никто из российских информантов – ни заявители, ни эксперты – не обращаются к будущему, к прорыву и открытию, а только к обыденным практикам ведения научной деятельности, повседневной работе лабораторий и т.п. Это можно объяснить двояко. Во-первых, что российские ученые не рассчитывают осуществить прорыв. Они «вписываются в контекст мировой науки», «не дают умереть лаборатории», «коммерциализируют исследование», но не делают значимого вклада, собственно, в развитие науки. И тогда инструментальный вопрос состоит в том, как изменить установки российского ученого с курса выживания и сохранения к дискурсу открытия, изменения, прорыва. Еще одним объяснением этого феномена может стать то, что работа с фондами, тексты заявок для них воспринимаются не как внешние тексты, нацеленные на ненаучную публику, что требует навыков манипуляции словом, донесения своей полезности публике и политикам. Экспертиза от фондов представляется заявителям экспертизой внутри научного сообщества, и эксперты, хотя и не будут специалистами в данной узкой отрасли, но все же являются «своими» (об особенностях и различиях коммуникации ученых с представителями внешних и внутренних групп см. [29]). Вторая группа оценщиков определяется как «чиновники», у которых узкий инструментальный взгляд на научные исследования, и нужно лишь выстроить свои документы, подаваемые вместе с содержательной заявкой, в правильной форме. Об этом говорят практически все респонденты, когда рассказывают о проектах ФЦП, когда оценщиков там абсолютно не волнуют научная новизна, значимость, адекватность, важны только обещания роста количественных показателей. В этом случае нет нужды тратить время на смысловые бло-

ки текста заявки, нужно лишь простроить стратегии максимизации количественных показателей. Таким образом, многие стратегии научных коллективов подстраиваются под существующий формат политики, основанной на доказательствах (цитируемость, количество статей, хоздоговоров), которая, в свою очередь, основана на экономической парадигме оценки эффективности и подчиняется требованиям правительства предоставлять отчеты в цифрах.

Кроме этого, посмотрев на списки перспективных отраслей научных исследований, стоит заметить, что политика науки формируется в дискурсах экономической выгоды, в русле восприятия науки как инструмента международной власти (дискурс времен холодной войны), но абсолютно отсутствует понимание науки как «социально надежной» [30], когда оцениваются выгоды и риски в целом для общества – дискурс, развивающийся сейчас в странах Западной Европы. Ни междисциплинарность, ни экономические агенты, которые включаются в заявку и затем в результаты исследований, не требуют от руководителя научного коллектива обратиться к связке «наука / общество». Это показывает слабость общества в политических и научных полях. В отличие от западной науки, где в последние годы социальный ученый является обязательным участником научного коллектива, работающего в науках о жизни, должен оценить научный проект с позиции его пользы/ угрозы для общества. У нас наука и технические инновации не рассматриваются ни обществом, ни государством как потенциальная угроза, так же как и сфера решения гуманитарных проблем. Может, поэтому ни в текстах ученых, ни в идеях директоров инновационных фирм не прослеживается нацеленность производимого продукта на потребителя-индивидуума. С советских времен в технических и научных проектах говорится о социальной актуальности открытия или изобретения, за которой не виден человек.

Литература

1. *Latour B.* Reassembling the social: an introduction to Actor–network theory. Oxford; New York, Oxford: University Press, 2005.
2. *Mirowski P.* The Effortless Economy of Science? In Durham. NC: Duke University Press, 2004.
3. *Kitcher P.* The Advancement of Science. New York: Oxford University Press, 1993.
4. *Gaudilliere J.-P., Lowy I.* (eds.). The Invisible Industrialist. London: Macmillan. 1998.
5. *Shapin S.* Ivory Trade, in London Review of Books, 2003.
6. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986 (1979).
7. *Lynch M.* Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
8. *Knorr-Cetina K.* Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. New York, 1999.
9. *The handbook of science and technology studies / Edward J.Hackett... [et al.], editors. – 3rd ed. 2007.*
10. *Pickering A.* Science as practice and culture. University Of Chicago Press, 1992.
11. *Schatzki Tr., Knorr-Cetina K., Von Savigny E.* The practice turn in contemporary theory. Routledge. London, 2001.
12. *Jasanoff S.* Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States. Princeton University Press, 2005.
13. *Guston D., Keniston K.* The Fragile Contract: University Science and the Federal Government. MIT Press, 1994.
14. *Callon M.* (ed.). The Laws of Markets. Oxford: Blackwell, 1998.
15. *Mirowski P., Sent E.-M.* The Commercialization of Science and the Response of STS // Handbook of Science, Technology and Society Studies, 3rd ed. Hackett E.J. (ed.) Et al. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2007.

16. *Mirowski P., Sent E.-M.* (eds.) *Science Bought and Sold*. Chicago: Chicago University Press, 2002.
17. *Latour B.* *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Milton Keynes: Open University Press, 1987.
18. *Garforth L., Stöckelová T.* *Science Policy and STS from Other Epistemic Places // Science, Technology & Human Values*. 2012. Vol. 37, 2. P. 226–240.
19. *Strathern M.* (ed.) *Audit Cultures: Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy*. London: Routledge, 2000.
20. *Velody I.* *Knowledge for What? The Intellectual Consequences of the Research Assessment Exercise // History of the Human Sciences*. 1999. Vol. 12. P. 111–146.
21. *Brew A., Lucas L.* (eds.) *Academic Research and Researchers*. Maidenhead, UK: Society for Research in Higher Education/Open University Press, 2009.
22. *Shore C.* *Audit Culture and Illiberal Governance: Universities and the Politics of Accountability // Anthropological Theory*. 2008. Vol. 8. P. 278–298.
23. *Stöckelová T.* *Immutable Mobiles Derailed: STS, Geopolitics, and Research Assessment // Science, Technology & Human Values*, 2012. Vol. 37, 2. P. 286–311.
24. *Webster A.* *Crossing boundaries social science in the policy room // Science, Technology & Human Values*. 2007. Vol. 32(4). P. 458–478.
25. *Clark A.M.* *New Civic Epistemologies of Quantification: Making Sense of Local and Global Indicators of Sustainability // Science, Technology & Human Values*. 2005. Vol. 30(3). P. 403–432.
26. *Kearnes M. & Macnaghten, P.* *Introduction: (Re)Imagining Nanotechnology, introduction to a special issue // Science as Culture*. 2006. Vol. 15(4). P. 279–290.
27. *Roco M.C. and Bainbridge W.S.* (eds.) *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and the Cognitive Science*. Arlington, VA: National Science Foundation, 2002.
28. *Slaughter S., Leslie L.* *Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1997.
29. *Gottweis H., Braun K., Haila Y., Hajer M., Loeber A., Metzler I., Reynolds L., Schultz S., Szczyński B.* *Participation and the new governance of life // Biosocieties*, 2008. Vol. 3(3). P. 265–286.
30. *Nowotny H., Scott P., Gibbons M.* *Re-thinking science: Knowledge and the public in an age of uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Popova Evgenia V., Kamenschikova Alyona M., Shadrina Galina N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

ASSESSMENT CRITERIA FOR EVALUATION OF RESEARCH PROJECTS: STRATEGIES OF EXPERTS AND APPLICANTS

Key words: scientific projects, proposers.

There seem to be no easy ways to form standardized assessment criteria for new technologies given their novelty both in terms of science and technology and in terms of commercialization. The needs of the knowledge-making and the market agents are not easily reconciled. Given the ambiguity of the situation, negotiation and communication skills of the applicants come to the forefront as well as their ability to stand up for their innovation and create a sort of 'material-semiotic protection'. This research addresses the attempts at 'construction of entities', i.e. attempts of applicants to create the network, and the ways the experts from funds responsible for proposal assessment are devising to counteract the attempts. We have interviewed people involved in the application process in Tomsk universities and research institutes, both applicants and experts, and analyzed the discourses used by applicants to substantiate their innovations and gain the support of influential actants for protecting the innovation and substantiating its benefits, as well as methods used by the experts to minimize the impact of the practices in decision-making processes.

Such a view of the problem is reminiscent of a broader approach when we analyze both internal and external agents involved in development of science and scientific knowledge. The approach is intrinsic to constructivist (interpretivist) scientific views originated from studies of scientific laboratories which later brought about a new discipline, Science and Technologies Studies, which demonstrates that science is pre-determined by the environment, locality and culture and involves complex socio-technical systems, including non-human actors.

References

1. *Latour B.* Reassembling the social: an introduction to Actor-network theory. Oxford; New York, Oxford: University Press, 2005.
2. *Mirowski P.* The Effortless Economy of Science? In Durham. NC: Duke University Press, 2004.
3. *Kitcher P.* The Advancement of Science. New York: Oxford University Press, 1993.
4. *Gaudilliere J.-P., Lowy I.* (eds.). The Invisible Industrialist. London: Macmillan. 1998.
5. *Shapin S.* Ivory Trade, in London Review of Books, 2003.
6. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986 (1979).
7. *Lynch M.* Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
8. *Knorr-Cetina K.* Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. New York, 1999.
9. *The handbook of science and technology studies / Edward J.Hackett... [et al.], editors. – 3rd ed. 2007.*
10. *Pickering A.* Science as practice and culture. University Of Chicago Press, 1992.
11. *Schatzki Tr., Knorr-Cetina K., Von Savigny E.* The practice turn in contemporary theory. Routledge. London, 2001.
12. *Jasanoff S.* Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States. Princeton University Press, 2005.
13. *Guston D., Keniston K.* The Fragile Contract: University Science and the Federal Government. MIT Press, 1994.
14. *Callon M.* (ed.). The Laws of Markets. Oxford: Blackwell, 1998.
15. *Mirowski P., Sent E.-M.* The Commercialization of Science and the Response of STS // Handbook of Science, Technology and Society Studies, 3rd ed. Hackett E.J. (ed.) Et al. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2007.
16. *Mirowski P., Sent E.-M.* (eds.) Science Bought and Sold. Chicago: Chicago University Press, 2002.
17. *Latour B.* Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Milton Keynes: Open University Press, 1987.
18. *Garforth L., Stöckelová T.* Science Policy and STS from Other Epistemic Places // Science, Technology & Human Values. 2012. Vol. 37, 2. R. 226–240.
19. *Strathern M.* (ed.) Audit Cultures: Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy. London: Routledge, 2000.
20. *Velody I.* Knowledge for What? The Intellectual Consequences of the Research Assessment Exercise // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12. R. 111–146.
21. *Brew A., Lucas L.* (eds.) Academic Research and Researchers. Maidenhead, UK: Society for Research in Higher Education/Open University Press, 2009.
22. *Shore C.* Audit Culture and Illiberal Governance: Universities and the Politics of Accountability // Anthropological Theory. 2008. Vol. 8. R. 278–298.
23. *Stöckelová T.* Immutable Mobiles Derailed: STS, Geopolitics, and Research Assessment // Science, Technology & Human Values, 2012. Vol. 37, 2. R. 286–311.
24. *Webster A.* Crossing boundaries social science in the policy room // Science, Technology & Human Values. 2007. Vol. 32(4). R. 458–478.
25. *Clark A.M.* New Civic Epistemologies of Quantification: Making Sense of Local and Global Indicators of Sustainability // Science, Technology & Human Values. 2005. Vol. 30(3). R. 403–432.
26. *Kearnes M. & Macnaghten, P.* Introduction: (Re)Imagining Nanotechnology, introduction to a special issue // Science as Culture. 2006. Vol. 15(4). R. 279–290.
27. *Roco M.C. and Bainbridge W.S.* (eds.) Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and the Cognitive Science. Arlington, VA: National Science Foundation, 2002.
28. *Slaughter S., Leslie L.* Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1997.
29. *Gottweis H., Braun K., Haila Y., Hajer M., Loeber A., Metzler I., Reynolds L., Schultz S., Szczyński B.* Participation and the new governance of life // Biosocieties, 2008. Vol. 3(3). R. 265–286.
30. *Nowotny H., Scott P., Gibbons M.* Re-thinking science: Knowledge and the public in an age of uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2000.